

ЛЮДИ НАУКИ

В. А. Мазур

ПОДВИГ ЛЮБВИ

**К 120-летию со дня рождения
Михаила Алексеевича и Ольги Васильевны Сиговых***

«Лоцман» уральской экономики

К 1923 г. Михаилу Алексеевичу стало ясно: Россия движется по пути, который не был предусмотрен ни в эсеровских, ни в большевистских схемах. В Гражданской войне, вопреки опасениям эсеров, контрреволюционные силы не победили. Искры мировой революции, которая, по мнению большевиков, гарантировала победу социализма, почти везде погасли. Зато в России земля без выкупа передана в руки тех, кто ее обрабатывает. После 1921 г. восстановлена свобода торговли. Возрождались кооперация как разветвленная система самостоятельных хозяйственных организаций. Эти преобразования соответствовали требованиям эсеров 1917 г. Конечно, выдвинутый в 1917 г. эсерами лозунг: весь народ должен участвовать в управлении Россией, реализован не был. Но «выращивание» политической системы, где трудящиеся массы управляют своей страной, было задачей, которую поставил перед правящей партией Ленин. Михаил Алексеевич был готов помогать в этом большевикам.

Для строительства социализма предполагали использовать товарно-денежные отношения. В центре научных интересов М. А. Сигова оказалась статистика тор-

* Окончание. Начало см.: Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. № 56 (Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры; Вып. 23). В предыдущем номере рассказывалось о первых преподавателях рабфака Уральского университета Михаиле Алексеевиче Сигове (видном эсере, члене Учредительного собрания) и его жене Ольге Васильевне.

МАЗУР Валерия Анатольевна — заведующая музеем Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: centre.20@usu.ru).

© Мазур В. А., 2008

говли. Методологические вопросы ее были очень слабо разработаны. Среди ученых и практиков отсутствовало единство в определении понятия *товарооборота*, в способах его исчисления. Это делало невозможным сравнение оборотов по времени, по различным районам (например, определение удельного веса Урала в товарообороте всего СССР). Михаил Алексеевич предложил под товарным оборотом понимать общий оборот по продажам всех товаров, кем бы эти продажи не производились. Особенно важно, считал Сигов, исчислять величину отчуждения товаров мелкими производителями. Для этого он предлагал использовать отчетность о заготовках, учет базарного привоза, бюджетные обследования, текущие приходно-расходные записи и т. п. Определение товарности индивидуального крестьянского хозяйства было крайне важно для выработки политики смычки города с деревней [см.: 21].

Статьи Михаила Алексеевича, в которых рассматривались вопросы статистики торговли и торговой переписи, имели большое практическое значение. Автор давал не только общеорганизационную постановку вопроса, но и конкретно предлагал карточки статистического учета [см.: 10, 206].

Статьи М. А. Сигова появлялись прежде всего на страницах «Бюллетеня» Уральского областного статистического управления. Это учреждение было организовано в конце 1923 г. уполномоченным Центрального статистического управления при Уральском экономическом совещании Василием Сергеевичем Немчиновым (1894—1964) и Михаилом Алексеевичем Сиговым. Уральское статистическое управление должно было вести наблюдения за всеми изменениями хозяйственной жизни огромной Уральской области (площадь — 1 757, 3 тыс. кв. км, население — 6 млн человек).

Ведущие научные работники Уральского областного статистического управления Михаил Алексеевич Сигов, Василий Сергеевич Немчинов и Александр Васильевич Воробьев участвовали в написании и редактировании двух сборников «Обзоров хозяйства Урала» за 1923—1925 гг., историко-экономического очерка «Город Свердловск». Эти издания дали хороший справочный материал для советских работников, хозяйственников и всех, интересующихся вопросами уральской экономики. Обзоры Сигова состояния и развития торговли на Урале рецензенты называли самыми интересными [см.: 15, 156, 157].

В 1926 г. Василий Сергеевич Немчинов был переведен в Москву и включен в руководство Центрального статистического управления СССР. Михаил Алексеевич получил от Немчинова приглашение также перейти на работу в ЦСУ. Между Василием Сергеевичем и Михаилом Алексеевичем за три года совместной работы установились не просто хорошие служебные отношения, а особая душевная близость. Они были почти ровесниками. В их прошлом нашлось много общего: детство, проведенное на Урале, работа в земстве, помощь беженцам. А главное, оба они были патриотами и умели творчески подойти к порученному делу. Тем не менее предложение Василия Сергеевича Сигов отверг. Посчитал, что на Урале он принесет большую пользу.

Уровень развития народного хозяйства страны приближался к планке 1913 г. Вставала задача разработки планов дальнейшего развития экономики. Для составления планов необходимо было изучать, оценивать и регулировать народное хозяйство как единую систему взаимно зависимых явлений, как сложное волнооб-

разное движение хозяйственной жизни. Это общее колебательное движение и создающееся в результате общее положение народного хозяйства со всеми его сложными сцеплениями многочисленных взаимозависящих хозяйственных явлений называли конъюнктурой. В Москве Конъюнктурный институт был организован в 1920 г. На Урале конъюнктурные исследования начались в марте 1924 г. В 1925 г. руководить составлением конъюнктурных обзоров народного хозяйства огромной Уральской области поручили Михаилу Алексеевичу Сигову. Роль «впередсмотрящего», определяющего путь движения хозяйственного корабля, сигнализирующего об отклонениях и опасностях, подсказывающего «капитану» маневр, помогающий «обойти подводные камни», захватила Михаила Алексеевича. В 1925—1929 гг. каждый месяц Михаил Алексеевич выступает с конъюнктурными обзорами народного хозяйства Урала перед членами Президиума Уральского облисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тексты этих докладов печатаются почти в каждом номере журнала Уралсовета «Хозяйство Урала». Выявлено 22 таких статьи. Конъюнктурные обзоры 1927—1929 гг. публикуются в виде солидных фолиантов. Их общее редактирование осуществляет М. А. Сигов. «Конъюнктурные обзоры хозяйства Урала» признаны современными исследователями одними из наиболее ценных в статистическом отношении российских изданий 20-х гг. XX в. [см.: 24, 351].

Михаил Алексеевич относился к своей работе критически. В 1929 г. он вслед за Н. И. Бухариным [см.: 1, 336] писал: «При усложнении хозяйства статистика и ведомственная отчетность отстают от требований жизни... Ряд важнейших вопросов: себестоимости и ее элементов, конечных результатов производства — прибылей или убытков, финансового положения промышленности, эффективности капитальных вложений, производительности труда, трудовой дисциплины на производстве, учета мелкой и кустарной промышленности, динамики общего уровня цен, изменения соотношения цен, баланса спроса и предложения, и т. п. по-прежнему освещается недостаточно... Существующая система показателей охватывает, главным образом, обобществленный сектор и весьма недостаточно частно-капиталистический и просто товарный. Между тем сжатие рынка, нарушающее плановое равновесие, обуславливается именно этими секторами, и в этом отношении их действительное значение неизмеримо больше, чем количественный вес... Разрешение многих вопросов, и в смысле методологии и самой организации работы, зависит от центра, и провинциальные работники в их разрешении часто бессильны» [18].

О научной компетентности сотрудников Уралплана, работавших под руководством Михаила Алексеевича, можно судить по глубине экономического анализа, который они провели, изучая кризис хлебозаготовок 1927/28 хозяйственного года. Напомним, что в 1927/28 г. объем хлебозаготовок на Урале был на 22,4 % ниже, чем в 1926/27 г. и немного выше, чем в 1924 г. [см.: 19, 97]. Недостаточный рост сельского хозяйства, и в особенности зерновой базы, являлся, как считали, основным ограничителем развития промышленности и всего народного хозяйства в целом. Причины снижения объема хлебозаготовок Михаил Алексеевич и его сотрудники видели в неправильной государственной политике цен и недостаточности снабжения деревни нужными крестьянам промышленными товарами. Заготовительные цены не отвечали высокому качеству зерна и были слишком низки по сравнению с ценами на другие сельскохозяйственные продукты. Неправильная

ценовая политика, недочеты в проведении контрактации, применение к многопосевному середняку антикулацких мер привели в сокращению посевных площадей и численности крупного рогатого скота; причем не только в хозяйствах кулаков, но и середняков. Наиболее товарные группы крестьян сокращали объем производства. Излишки у них уменьшались. Хозяйства обобщественного сектора не могли заменить индивидуальных крестьянских хозяйств высшей группы. Для развития сельского хозяйства, считал Михаил Алексеевич, необходимо помогать как индивидуальным хозяйствам, в которых не эксплуатируется наемный труд, так и колхозам, совхозам [см.: 12, 18]. Эту точку зрения разделял и Н. И. Бухарин [см.: 2, 351, 400].

Если в планах, выполнение которых отслеживал и анализировал Михаил Алексеевич, провозглашенный XV съездом ВКП (б) принцип равновесия между промышленностью и сельским хозяйством удавалось соблюсти не всегда, то в семейной жизни Сиговых он торжествовал. У Михаила Алексеевича и Ольга Васильевны были две дочери: Наташа и Лена. Вместе с ними жила мать Михаила Алексеевича — Ольга Порфирьевна Левашова, одна из первых женщин, получивших диплом врача в Петербурге. Кроме того, Михаил Алексеевич дал приют семье родственника Ольги Васильевны, священника, убитого в годы Гражданской войны. Жили очень дружно. У каждого были свои хозяйственные обязанности, в том числе и у Михаила Алексеевича. Мужчина, который занимается домоводством, был в то время большой редкостью.

Дом Сиговых представлял собою род музыкального клуба. Здесь в свободное время собирались поклонники известной свердловской певицы Фатимы Саттаровны Мухтаровой — преподаватели свердловских институтов, школ, сотрудники Уралплана. Эта публика не только посещала и обсуждала театральные постановки, но и музицировала. Женщины играли на фортепьяно. Михаил Алексеевич хорошо пел. Исполняли арии из опер Россини, Верди, Чайковского, песни Вертинского. Дочери Михаила Алексеевича и Ольги Васильевны росли в атмосфере гармонии мыслей, чувств и звуков...

Первым из кружка, 22 мая 1931 г., арестовали Александра Васильевича Воробьева. Разговоры, которые вел Воробьев, были типичны для плановиков. Резкое ускорение в начале 1930 г. темпов индустриализации не обеспечено необходимыми ресурсами. Индустриализация идет за счет обнищавших крестьян и рабочих*. Примерно тогда же Михаил Алексеевич пишет стихотворение, в котором дает резко отрицательную оценку методам и результатам насильственной коллективизации [см.: 3]. Стихотворение найдут в январе 1933 г. при обыске на квартире Михаила Алексеевича. Это был второй обыск за советское время. Первый — в 1923 г. Тогда все кончилось однодневным арестом и требованием публично заявить о разрыве с эсерами, что Михаил Алексеевич и сделал.

В 1933 г. Михаил Алексеевич пробыл под арестом полгода. Следователей интересовала работа Сигова в Кубанском правительстве (1919). Ничего криминального в этой деятельности не обнаружили. Освободили, взяв обещание не вести контрреволюционной работы.

* А. В. Воробьев был осужден на три года заключения в исправительно-трудовых лагерях [см.: 11, II, 112].

Сверхответственных должностей Михаил Алексеевич больше не занимал. В 1933—1937 гг. он руководил плановым отделом Уралторфотреста, преподавал в Свердловском горном институте и на курсах по подготовке кадров для промышленных предприятий.

Низвержение и возрождение

30 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н. Ежов подписал приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». По Свердловской области подлежало репрессиям 10 тыс. человек [см.: 23]. На самом деле в 1937, 1938 гг. сотрудники УНКВД по Свердловской области возбудили уголовные дела на 45 823 человека [см.: 11, I, 112]. Михаил Алексеевич и Ольга Васильевна относились с особым вниманием и участием к семьям арестованных. Вскоре Ольге Васильевне тоже понадобится это участие.

Михаила Алексеевича арестовали 23 августа 1937 г. От него требовали признания в принадлежности к Уральскому объединенному комитету правых и левых эсеров, в содействии заключению союза с правыми коммунистами для активной антисоветской борьбы. Кроме того, Михаила Алексеевича обвиняли в санкционировании проведения диверсионного акта на Березниковском химическом комбинате [см.: 4]. Михаил Алексеевич настаивал на своей невинности, требовал очной ставки с бывшим председателем Челябинского облисполкома М. А. Советниковым и бывшим председателем Уралплана Б. В. Дидковским, на показания которых ссылался следователь. Михаил Алексеевич был уверен, что показания были даны под воздействием недопустимых методов. В очных ставках было отказано. К моменту ареста Михаила Алексеевича ни Советникова, ни Дидковского уже не было в живых. Михаил Алексеевич вспоминает: «Я полагал, что следствие по настоящему еще не начиналось; мне неожиданно был объявлен приговор на десять лет в лагерях... Заместитель начальника секретно-политического отдела УНКВД Шиваров, давший направление следствию, впоследствии был арестован и отбывал заключение в том же Каргопольлагере, что и я. Здесь он покончил самоубийством» [см.: 5]. Начальник УНКВД Свердловской области Д. М. Дмитриев, поставивший в четыре раза превысить план по репрессиям, был расстрелян в 1939 г.

За месяцы, проведенные под следствием, Михаил Алексеевич заболел туберкулезом. На переходе от железнодорожной станции Ерцево (столица Каргопольлага) до лагерного пункта — постоянного места работы — он чуть не погиб: отставших от колонны конвоиры пристреливали. Михаила Алексеевича спасли товарищи по несчастью, затолкав его в глубь толпы заключенных.

Каргопольлаг, где прошли годы заточения Михаила Алексеевича, занимал 600 кв. км территории Архангельской области. В 1938 г. здесь отбывало наказание 30 069 человек. Занимались они в основном рубкой леса. В годы войны заготовленные здесь дрова горели в печах Москвы [см.: 22].

О первом годе пребывания в лагере Михаил Алексеевич написал:

Страдал я жестоко и долго
И думал, не выжить никак!
И все-таки выжил. Но только
Меня ты не спрашивай, как? [16]

В декабре 1938 г. Михаила Алексеевича перевели с общих (лесорубных) работ в плановый отдел лагеря. Всего по стране в 1940 г. 36 тыс. заключенных, имевших техническое, экономическое и медицинское образование, работали по специальности [см.: 9, 728]. Получив возможность хотя бы урывками писать для себя, Михаил Алексеевич начал сочинять «гимн любви». Он вспоминал о знакомстве, дружбе, совместной жизни с Олей Иконниковой-Сиговой, о дочерях, о милых зеленых уральских горах, где прошли его детство и юность, о восторженной революционной студенческой молодости. Его воспоминания были ярки и свежи*. Он жил этой литературной работой. Она спасала.

Спасала любовь родных и друзей, надежда на грядущую встречу. Думая о жене и дочерях, Михаил Алексеевич, наверное, вспоминал строки любимого В. Г. Короленко: «Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви, соединенной с печалью и заботой, — натуры, для которых эти заботы о чужом горе составляют органическую потребность...» [см.: 14, I, 477] Иван Алексеевич Сигов писал 18 декабря 1939 г. брату Михаилу в Каргопольлаг: «Виделся с твоей героической тройкой. Они по-прежнему молодцы, не падают духом, и вся их жизнь наполнена тобой. Я преклоняюсь перед их твердостью и глубиной любви к тебе» [16].

Жена и дочери защищали честь Михаила Алексеевича. Ольга Васильевна отказывалась подписывать признательные показания на многочисленных допросах. Дочери упорно отстаивали невиновность отца на комсомольских собраниях, где их «прорабатывали». Мать возила своих девочек в лагерь на встречи с отцом. Михаил Алексеевич называл эти встречи лучезарно-согревающими. Продуктовые посылки от жены и дочерей Михаил Алексеевич получал даже в самые страшные годы войны. При этом Ольга Васильевна, конечно, не сообщала мужу, что их семье грозит гибель от истощения. Письма, бесконечно теплые, ласковые, иногда в стихах, Михаил Алексеевич получал не только от жены и дочерей, но и от братьев и сестры. Исключение составлял младший брат Алексей. С точки зрения материальной, Алексей Алексеевич был самый обеспеченный в семье Сиговых. В 1942 г. он получил Сталинскую премию за разработку и внедрение на металлургических заводах Урала технологии выплавки углеродистого феррохрома, необходимого для производства брони и бронебойных снарядов. Однако домработница А. А. Сигова если и кормила обедом голодных племянниц хозяина, то только тайком от его скупой жены. Возможно, переписка между братьями не велась, поскольку Алексей был носителем военных секретов. После 1947 г. Алексей Алексеевич просил прощения у Михаила Алексеевича и получил его.

От писем с воли становилось легче не только Михаилу Алексеевичу, но и его лагерным друзьям. Знакомство их было вызвано бытовыми обстоятельствами: жили в одном бараке. Потом выяснилось, что в молодости они принадлежали к партии эсеров. А самое главное, их объединяла любовь к искусству. Что это были за удивительные люди! Давид Ионович Постолов, театральный деятель, был хорошо знаком со знаменитыми артистами М. М. Тархановым и В. И. Качаловым. Интересные и теплые письма Давиду Ионовичу приходили от друга детства, главного режиссера и актера театра Ленинского комсомола И. Н. Берсенева, замечательных

* Сохранились небольшие фрагменты этих работ в личном архиве Н. М. Капустиной.

актрис С. Ф. Гиацинтовой и С. Г. Бирман. Давид Ионович хорошо пел. Это скрашивало досуг заключенных, помогало жить.

Виктор Азриэлович Гроссман (1887—1978), режиссер лагерного театра, был автором книг о А. В. Сухово-Кобылине, знатоком русской поэзии начала XIX в. В лагере им был задуман роман о А. С. Пушкине, который он написал после освобождения. Жанр исторической беллетристики привлекал В. А. Гроссмана возможностью эзоповым языком говорить о текущем дне.

Виктор Азриэлович Гроссман помог Михаилу Алексеевичу пережить очередной удар судьбы. В 1943 г. Михаил Алексеевич заболел глаукомой, ослеп на один глаз, второй был под угрозой. Михаил Алексеевич вспоминает: «Год я пролежал в лазарете. Я совершенно отчетливо сознавал весь ужас слепоты в лагере, без родных и близких, никому не нужный, ни на что не пригодный, обуза для всех» [16]. Виктор Азриэлович поддерживал бодрость духа Михаила Алексеевича, читая ему наизусть стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. Н. Батюшкова.

Это навело Михаила Алексеевича на мысль, что так же можно водворять в изломанных душах людей ясность и цельность, пересказывая им художественную прозу. Надо помнить, что библиотеки для заключенных были малы и труднодоступны, телевидения не существовало, возможность прослушивать радио ограничена. Михаил Алексеевич предложил руководству лагеря проводить в центральном лазарете для больных литературные беседы. Использование заключенных, осужденных по статье 58, в качестве культурных работников было запрещено инструкцией НКВД СССР. Однако после некоторых колебаний начальство уступило. Три года Михаил Алексеевич читал сначала для больных, а потом и здоровых заключенных курс по русской и западноевропейской литературе XIX—XX вв. 44 произведения 18 авторов, от А. Пушкина до А. Фадеева! Он провел всего около 1 500 выступлений! Читал почти наизусть, поскольку необходимых первоисточников, как правило, под рукой не было. «Любовь», «свобода», «справедливость» — вот те ключевые слова, по которым Михаил Алексеевич отбирал художественные произведения для пересказа. Это был театр одного актера, где после краткого вступительного слова о писателе и рассказываемом сочинении перед слушателями во весь рост представляли герои «Капитанской дочки», «Войны и мира», «Гранатового браслета», «Овода», «Молодой гвардии»... Отдельные беседы были посвящены поэтам: Ф. Тютчеву, Н. Некрасову, С. Надсону, А. Блоку, С. Есенину. Михаил Алексеевич почувствовал себя настолько компетентным в сфере лицедейства, что даже написал для коллектива лагерного театра доклад «О работе актера». Михаил Алексеевич вспоминает: «Напряженное внимание, с которым меня всегда слушали, трогательные благодарности, ожидание моего прихода — все это доставляло мне большое удовольствие... Духовно и нравственно я вырос, ожил».

Узнав о лекторском мастерстве Михаила Алексеевича, руководство лагеря поручило ему вести занятия по общей и промышленной статистике на курсах подготовки бухгалтеров и плановиков из числа заключенных. Заодно он выполнял обязанности секретаря учебной части курсов. Главный бухгалтер управления лагеря А. И. Иванов говорил дочери Михаила Алексеевича Лене: «Да разве можно не любить вашего папу, когда его ближе узнаешь» [16]. Начальство лагеря настолько было довольно деятельностью Михаила Алексеевича, что последние полгода заключения он был расконвоирован и даже имел возможность выйти в лес за ягодами

и грибами. Михаил Алексеевич пишет: «Помню, в каком растроганно-умиленном состоянии бродил я по лесным полянам, просекам, вдоль берегов небольшой речушки, пристально вглядываясь в лицо любимой природы, вслушиваясь в ее голос... И как всегда во время таких прогулок под влиянием природы в голове у меня роились мечты, грезы, фантазии. Темы их одни — свободная жизнь среди родных и друзей, в родных местах» [16].

Большие надежды

Когда истек срок наказания, руководство управления лагеря помогло Михаилу Алексеевичу приобрести железнодорожный билет до Москвы. Последнее было весьма затруднительно, поскольку поезда были переполнены лицами, возвращающимися из заключения.

История выхода на свободу очень подробно описана Михаилом Алексеевичем. Она уникальна. Михаила Алексеевича, единственного из всех бывших заключенных Каргопольлага, увозила на волю дочь. Вот что пишет Михаил Алексеевич своей Леночке: «Ты ввела меня в новую свободную жизнь. С тобой я пережил лучезарно-радостные, ни с чем не сравнимые по яркости первые дни свободы, дни восторженного опьянения всеми впечатлениями воли, впечатлениями от встреч с родными и друзьями, от Москвы, от красот природы, от театра, от искусства... В Москве я взволнованно-радостно почувствовал, что за десять лет... разлуки с близкими я не только не отдалился от них, а словно стал еще ближе и роднее. И не разу со стороны всех, с кем я встречался (их было около 20 человек), я не только не чувствовал, что заключение наложило на меня какое-либо клеймо, а наоборот, это увеличило внимание и симпатии ко мне» [16]. Василий Сергеевич Немчинов, к 1947 г. ставший уже академиком, ректором Тимирязевской сельскохозяйственной академии, угостил старого друга такими яствами, которые он давненько уже не пробовал; устроил на прием к главному врачу в поликлинику Академии наук СССР; помог достать дефицитный железнодорожный билет до Свердловска. Михаил Алексеевич вспоминает: «Василий Сергеевич взволнованно-радостно говорил мне: “Ты остался прежним, ты сохранил свой духовный облик, и как это хорошо”».

Главный режиссер театра Ленинского комсомола И. Н. Берсенева, которому Михаил Алексеевич передал привет от заключенного Д. И. Постолова, помог нашему герою посетить несколько театральных спектаклей.

Молодые московские племянники Михаила Алексеевича с большим интересом слушали воспоминания дяди о студенческой молодости.

Михаил Алексеевич подчеркивает: провожать в Свердловск его пришло десять человек. Люди не боялись афишировать знакомство с ним!

Свою просветительскую деятельность Михаил Алексеевич продолжил в пос. Дегтярка Свердловской области, где работала врачом старшая дочь Наташа. О литературных беседах, которые М. А. Сигов проводил в клубах горняков, инженерно-технических работников, кинотеатрах, рабочих общежитиях, трижды весьма благосклонно отзывалась местная газета.

Сбылись надежды: Михаил Алексеевич снова был вместе с родными, снова музицировал с Ольгой Васильевной, снова бродил по любимым Уральским горам. С властью Михаил Алексеевич помирился. Видимо, он посчитал, что каждый на-

род имеет такое правительство, которое заслуживает. Не мог он отрицать роль правящей партии в разгроме фашистской Германии. Цена победы, конечно, ему была известна. Двое племянников Михаила Алексеевича погибли на фронте.

Зато правительство не помирилось с Михаилом Алексеевичем. В 1948 г., возможно, в связи с ожиданием новой войны — это было время создания НАТО — начались аресты отбывших свой срок заключения лиц, ранее обвинявшихся по 58-й статье.

Последнее испытание

В ноябре 1948 г. Михаил Алексеевич снова оказался в тюрьме. Обвинение — принадлежность к эсеровской организации, за которую следователи пытались выдать дружеский кружок заключенных Каргопольлага. Резонное возражение Сигова, что за одно и то же преступление дважды не осуждают, не произвело впечатления. Приговор — бессрочная ссылка в с. Абан Красноярского края.

На новом месте Михаила Алексеевича ожидала неприязнь местных жителей. «Врага народа» никто из сельчан не хотел брать на квартиру. Ну что ж, он приспособил под жилье полуразвалившуюся баню. Михаил Алексеевич писал: «Мне особенно были тяжелы не материально-бытовые условия, а вынужденное бесцельное прозябание» [6]. Вскоре он начинает и здесь проводить беседы о советской литературе. Но краевые власти оказались трусливее гулаговских. В мае 1950 г. Михаилу Алексеевичу запрещают, как поселенцу, выступать с литературными монтажами. В отчаянии Михаил Алексеевич пишет письмо И. В. Сталину: «Я борюсь не за платную работу, не за личные корыстные цели. Не может быть, чтобы не нашлась возможность использовать мои знания, способности, опыт и желание работать... быть полезным своей Родине» [7]. Ответ был получен, и он был положительным!

В ссылку к Михаилу Алексеевичу опять приезжали жена и дочь, которые продолжали его поддерживать и духовно, и материально. Особенно тяжелым было для Михаила Алексеевича лето 1953 г., когда Сигову отказали в удовлетворении ходатайства о снятии судимости. Дело Михаила Алексеевича было прекращено лишь 10 января 1956 г. [см.: 8].

Закат

Оставшиеся шесть лет жизни Михаил Алексеевич продолжал заниматься просветительской работой: составлял тексты для музыкальных программ Свердловского радио. Спешил выполнить свой долг перед отцом: подготовил к передаче в Музей истории писателей Урала архив А. С. Сигова-Погорелова, написал воспоминания о Алексее Сергеевиче, хлопотал о переиздании художественных произведений отца. Проводил с разнообразными аудиториями беседы на тему «Любовь, брак и семья в советском обществе» и даже написал на эту тему брошюру [см.: 20].

В 1961 г. Михаил Алексеевич и Ольга Васильевна принимали участие в слете рабфаковцев Урала 20-х гг. XX в. В сборнике «Первые рабфаки на Урале» (Свердловск, 1963) публикуются воспоминания Сиговых. При чтении их возникает ощущение, что каждое слово, прежде чем лечь на бумагу, было авторами много раз взвешено, что мемуаристы боятся показаться неблагонадежными. Они не лгут, но и не говорят всей правды.

Ольга Васильевна до конца своих дней помогала своим однокурсникам, коллегам по рабфаку, подтверждая слова Михаила Алексеевича: «Ты не только сохранила

отзывчивость к другим, к горю, страданиям и нужде других, но эти черты твоего характера даже усилились» [16]. Такими же добрыми, преданными своему делу выросли ее дочери Наталья Михайловна — врач и Елена Михайловна — учитель.

За четыре года до кончины, в 1958 г., Михаил Алексеевич Сигов пишет жене: «Моей единственной любимой Леленочке в памятные дни 50-летия нашей дружбы и 42-летия свадьбы. “Тучи проходят — звезды остаются”. Тяжелые, мрачные тучи не раз повисали над нашей жизнью, но они рассеивались, и снова сияли яркие звезды. Такой звездой всегда была, есть и будешь для меня ты, моя родная. Ничто, никакие размолвки, никакие тяжелые переживания не погасят и не омрачат озаряющего, спасительного света наших отношений. Я счастлив тем, что пронес любовь к тебе через всю жизнь».

Вспоминая минувшее, оплакивая несбывшиеся надежды, Михаил Алексеевич, возможно, находил утешение в словах В. Г. Короленко: «Дело не в близком успехе, дело в честном стремлении. Как ни темно впереди, — есть все-таки несомненное, незыблемое, вечное, чему стоит и надо служить без вопроса о скором успехе. Эти незыблемые маяки — истина, право, справедливость...» [13, 192].

1. Бухарин Н. И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года. 30 сентября 1928 г. // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Новосибирск, 1990.
2. Бухарин Н. И. Путь к социализму.
3. ГААОСО, д. 17314, л. 3.
4. ГААОСО, д. 17314, л. 238; д. 41704, л. 192.
5. ГААОСО, д. 17314, л. 228; д. 41704, л. 229.
6. ГААОСО, д. 17314, л. 229.
7. ГААОСО, д. 17314, л. 235.
8. ГААОСО, д. 41704, л. 207.
9. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1919–1960. М., 2000.
10. Ишмаев Н. Рецензия на «Бюллетень Уральского областного статистического управления». Свердловск, 1926, № 1 // Хоз-во Урала. 1926. № 13–14.
11. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область: В 2 т. Екатеринбург, 2000.
12. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за 1927/1928 год. Свердловск, 1929.
13. Короленко В. Г. Речь на праздновании юбилея // Была бы жива Россия. М., 2002.
14. Короленко В. Г. Слепой музыкант // Короленко В. Г. Собр. соч. М., 1989. Т. 1.
15. Р. С. Обзор хозяйства Урала за 1923–1924 гг. Свердловск, 1925 // Хоз-во Урала. 1925. № 3.
16. Сигов М. А. Вступление в новую жизнь // Личный архив Н. М. Капустиной.
17. Сигов М. А. Задачи, программа и организация конъюнктурных наблюдений // Хоз-во Урала. 1929. № 7.
18. Сигов М. А. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за 1927/28 год. Свердловск, 1929.
19. Сигов М. А. Конъюнктура хозяйства Урала в сентябре и некоторые итоги года // Хоз-во Урала. 1928. № 11.
20. Сигов М. А. Любовь, брак и семья в советском обществе: В помощь лектору, выступающему перед молодежью. М., 1959.
21. Сигов М. А. Товарооборот и методы его статистического учета // Сборник статей по статистике Урала. Свердловск. 1927. Вып. 1.
22. Тимофеев В. Г. Уголовно-исправительная система России: цифры, факты, события: Учеб. пособие. Чебоксары, 1999.
23. Труд. 1992. 4 июня.
24. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.